

А БЫЛ ОН ЛИШЬ СОЛДАТ...

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

...КОГДА я, еще прислушиваясь к музыке и звукам картины, еще глядясь в лица ее и сцены так, точно была наедине с собою, и улыбаясь той радости и грусти, которые только что пережила, сказала, что час назад посмотрела новый кинофильм «Жаворонок», меня спросили:

— Это что — про какую-нибудь певицу?

— Нет, — ответила я. — Это про войну. Про Отечественную войну.

— Про войну? А почему — «Жаворонок»?

Я не могла сразу объяснить, почему про войну, а называется «не по-военному» и в то же время удивительно тонко и точно, почему фильм этот очень интересный и хороший, — не смогла, несомненно, по тому самому, как нельзя объяснить (особенно сразу) настоящее поэтическое стихотворение... Вот именно потому, что оно поэтично, потому, что оно несет в себе одно из самых сильных (если не самое сильное!) явлений жизни и человеческого духа — поэзию. Она — сама по себе объяснение, и попытки пересказать то, о чем она говорит сама, как правило, кончаются бесплодно. Это, конечно, не новые мысли, но они снова вернулись ко мне, когда я смотрела картину «Жаворонок» и раздумывала над ней. Я и хочу не объяснять и не пересказывать ее, а лишь поделиться некоторыми думами своими о ней.

Картина радует и властно, чисто, глубоко берет за душу именно тем, что она по-настоящему поэтична... И, вероятно, оттого, что сценарий ее писали два настоящих поэта — Михаил Дудин и Сергей Орлов, поэтичность «Жаворонок», образность его, даже ритм — специфически стихотворные. И тут еще раз я убедилась, что основа режиссерских удач — и работа режиссера с актерами, и монтаж и т. д. — заложена в сценарии, начинается с писания сценария. Недаром Александр Довженко всегда писал для себя сценарии сам, а многие режиссеры соавторствуют со сценаристами, так сказать, с первых строк. В «Жаворонке» же решающим моментом удачи картины оказалось то, что режиссеры-постановщики Н. Курихин и Л. Манасер, главные операторы В. Карасев и Н. Жилин, художник Б. Быков, композитор Я. Вайсбурд, артисты, исполнители главных ролей — В. Гуренков, Г. Юхтин, В. Погорельцев, В. Скулум — да буквально все, вплоть до артистов, исполняющих эпизодические роли, оказались настроенными на ту же поэтическую волну, как и поэты-сценаристы, и не пытаются ни «преодолевать», ни «обогатить» авторов (да это и не нужно

было). Потому-то они и создали удивительно цельную, единую во всех своих компонентах, по-особому зрительски интересную картину... Ну, как уже сказано было выше, картину поэтическую!

Если говорить об артистах, то мне трудно, например, отдать кому-либо предпочтение и трудно определить, кто главный герой, хотя, вероятно, это все-таки солдат Иван, командир танка (В. Гуренков)... Мне думается, что самый главный герой картины это... жаворонок! Нет, это не певица и не певец, а самый настоящий жаворонок, которого не видно, но несколько раз слышно нам — в начале картины, в середине ее, в трагическом конце... Кстати, в таком построении есть тоже нечто от стихотворения — это как бы рефрен, припев, исполненный мечты о мире, о красоте природы, о свободе людской. Простая, звонкая, наивная песня его возникает как торжество жизни и света над горем и бедствиями войны, над зверством нелюдей-фашистов. Она сопровождает, дополняет и контрастирует, страшные и героические военные эпизоды. А голос певицы тоже звучит в картине. Но и ее мы не видим, а только слышим — чудесный, прозрачный голос Майи Кристаллинской, раздумчиво, с широким русским распевом выводящий песню, вернее, известное стихотворение Сергея Орлова:

Его зарыли в шар земной.
А был он лишь солдат.
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков...

И под протяжные, задумчивые звуки этой песни-стихотворения неторопливо развертывается перед нами бескрайнее летнее поле в сонме кивающих ромашек, и братские могилы советских воинов в Третьем парке, и бронзовые солдаты, колена преклоненные возле них, и огромный в голубом небе воин, прижавший к себе ребенка и мечом рассекающий фашистскую свастку.

Так начинается фильм. Лирически задумчиво и эпически монументально. И вдруг торжественно-спокойные картины его как бы обрезают внезапно упавшая с неба колючая проволока: это — фашистский лагерь. Из него почти чудом (чудом смелости, мужества!) удается вырваться советскому танку с экипажем из четырех человек — трое русских и один французский солдат. Танк мчится через германские городки, его преследуют немцы, танк отстреливается, прошивает стены благополучнейших домов, пронесется по полю, где работают русские пленные женщины, экипаж ловит по рации обрывки сообщения «От Советского информ-

бюро», веселится и радуется, когда в одном из городишек удается разжиться пивом. Фашисты бросают на его поимку абсолютно превосходящие силы, и наконец — один за другим — солдаты погибают. Последним — командир танка солдат Иван. Он погибает оттого, что на автостраду, по которой мчится через утопающий в зелени поселок танк, выбегает ребенок — мальчишка с игрушечной собачонкой и растягивается, падает на самой середине дороги, перед танком. Он падает как раз между мчащимся танком и сильной немецкой засадой, поджидающей танк. И Иван может проскочить, может прорваться через нее, но он не может проехать по ребенку. Он успел остановить танк, выскочить, посадить мальчишку на парашют, но вернуться в танк не успел — один из фашистов прошил ему спину из автомата...

Вот и весь, собственно говоря, сюжет фильма — бегство и погоня... Сюжет, но не содержание.

Мало ли мы видали картин с погонями, преследованиями, бегствами! И хотя я уже условилась не пересказывать и не объяснять картину, и даже изложенный мною сюжет упрощен из-за этого, я не могу не сказать, что больше всего взволновали меня в «Жаворонке» зримая в буквальном смысле слова, в глазах возрастающая духовная мощь его человеческого экипажа, стремительно крепнущее ощущение непобедимости этих четырех человек, этого одинокого танка. Потому что за ними — непобедимость нашей страдавшей, облившейся кровью, но негибаемой духом и воистину человеческой Родины. Это особенно чувствуется в великолепной сцене, когда танк пронесется среди работающих пленных женщин... Но эту сцену нужно смотреть самому! Так же как и финальную сцену, когда медленно падает около танка с простреленной спиной русский солдат Иван и среди немецких солдат, наблюдавших за ним из засады, откуда раздался подлый выстрел, мы видим лицо одного пожилого немца: медленно поднимает он на лоб очки, и во взгляде его, обращенном к танку, к упавшему солдату Ивану, отчетливо виден ужас перед неизбежным своим поражением, как понимание того, что народ, способный на человечнейший подвиг Ивана, несет возмездие фашизму и победит в войне во что бы то ни стало. Артист Г. Кирик удивительно передает в мгновенной мимической сцене это внезапное, полное ужаса прозрение, дающее надежду, что, может быть, когда-нибудь этот гитлеровский солдат снова станет человеком...

Меня могут упрекнуть, что я не говорю «о недостатках картины», что я слишком увлекаюсь, может быть, даже привношу в картину что-то от себя. Ну что же, ведь в каждом истинно поэтическое произведение зритель, слушатель, читатель вносит часть самого себя, — и это достоинство произведения, а не недостаток его... Может быть, еще и поэтому уходишь с картины с чувством глубокой благодарности ко всем тем, кто вложил в нее столько своей души, труда и мысли.